

18+

НЕВЕСТА ПО НЕВОЛЕ

— ◆ — ДРАКОНИЙ ДОГОВОР — ◆ —

Анастасия Дес

Анастасия Дес

**Невеста поневоле.
Драконий договор**

«Издательские решения»

Дес А.

Невеста поневоле. Драконий договор / А. Дес — «Издательские решения»,

Айрин выросла сиротой в глухой деревне и не знала, что в её крови спит сила древних Фениксов. Когда магия раскрывается, её увозят в драконью Академию, где за каждым шагом следит ледяной генерал Рейнар Вэйн. Вокруг — интриги, враги и смертельный отбор. Чтобы выжить, Айрин придётся заключить драконий договор с мужчиной, которому нельзя доверять... и которого невозможно забыть.

© Дес А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Ночь Чистого Неба	6
Глава 1. Пепел в волосах	9
Глава 2. Полёт в цепях	14
Глава 3. Карантин	19
Глава 4. Подземный ярус	23
Глава 5. Яд кухни	28
Глава 6. Карцер перед Испытанием	33
Глава 7. Испытание Когтя	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Невеста поневоле. Драконий договор

Анастасия Дес

© Анастасия Дес, 2026

ISBN 978-5-0070-0756-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Ночь Чистого Неба

В ночь, когда пал Дом Огненного Феникса, снег не шёл.

Над горными террасами висел сухой звёздный холод. Чёрный камень поместья блестел медью в швах, драконьи посты на гребне хребта дышали красными сигнальными чашами, а в нижних садах ещё тлели бумажные фонари зимнего праздника. Издали всё выглядело так, будто Дом Феникса отмечает равноденствие. Только изнутри было видно, как умеет начинаться резня.

Серис, кормилица младшей наследницы, бежала по внутренней галерее, прижимая к груди туго спелёнутый свёрток. Девочка не плакала. От этого было страшнее. Ребёнок, проживший всего несколько дней, молчал так, будто уже понимал цену любого звука.

По нижнему двору прокатился драконий рёв. Один из сторожевых зверей кричал высоко, со сломом, и Серис сбилась с шага. Так кричали не от железа. Так кричали, когда рвали связь, выжигали магические каналы и ломали волю чем-то чёрным, запретным. Она знала этот звук. Фениксы умели вытягивать всадников из подобной боли. Но сегодня некому было спасти самих Фениксов.

— Быстрее, — прохрипел старый мастер оружейной, распахивая перед ней боковую дверь. — Северная башня уже взята.

Он сам истекал кровью, плечо рассекало до кости, но всё ещё держал меч. Не для победы. Для того последнего взмаха, которым люди отстаивают не жизнь, а достоинство.

Серис не ответила. Слова кончились в тот миг, когда на внешних воротах вспыхнули имперские печати с золотым знаком солнца и драконьего крыла. Дом Огненного Феникса был объявлен изменником. Этого оказалось достаточно, чтобы в течение одного часа из дома хранителей превратить их в законную добычу.

Ещё утром леди Алесса Феникс смеялась в малой столовой и спорила с братом о зимнем караване в южные провинции. Ещё днём над ущельем летали дозорные пары, а мальчишки младшей ветви запускали в воздух бумажных птиц с огненными хвостами. Ещё вечером Алессу вызвали в святилище, потому что печати Пепельного Ущелья дрогнули так, как не дрожали уже много лет.

А потом пришёл приказ Императора.

Серис не верила в измену. Она мало понимала в столичной политике и совсем не разбиралась в придворных интригах, зато знала людей, которых теперь резали на собственных ступенях. Они исцеляли драконов после боёв, восстанавливали разорванные проклятиями связи и дежурили у врат, где обитали тени мёртвых зверей. Они могли быть гордыми, тяжёлыми в характере, высокомерными к чужакам. Но предателями они не были.

У дома Феникса были свои приметы власти, не похожие на столичные. Не золото на карнизах и не тяжёлые троны в залах, а гладкие плиты двора, по которым когда-то босиком бегали дети младших ветвей, медные чаши для целительных смол у входов, резные клювы фениксов на дверных арках и низкий колокольный звон перед рассветом, когда хранители меняли посты у печатей. Здесь привыкли жить не напоказ, а в сознании долга, который старше любого живого человека. Серис вдруг особенно ясно вспомнила всё это именно сейчас — не парадные приёмы, не великие имена, а руки женщин в лекарском крыле, запах хлеба из нижней кухни, ожоги на пальцах мастеров, возвращавшихся после работы с драконьими упряжками. Дом убивали не только как род. Его убивали как уклад, в котором даже гордость служила делу, а не витрине. И от этой мысли бегство стало не трусостью, а обязанностью.

На лестничном пролёте вспыхнула тень. Серис шарахнулась в нишу и прижала свёрток крепче. На повороте показался мужчина в чёрной броне. На его плаще серебром горел знак северного дракона.

Дом Вэйн.

Серис вскинула нож, прекрасно понимая, что смешна. Против закованных в сталь всадников её рука была не страшнее иглы.

Мужчина снял шлем. Он оказался моложе, чем почудилось по шагу и голосу. Резкое лицо, усталые глаза и преждевременная седина на висках. Серис знала его по слухам. Арден Вэйн, сын северного дома, правая рука командующего карательной операцией.

— Я не за ребёнком, — тихо сказал он. — Через северную башню идёт зачистка. Уходите в тоннель под морозной кладовой. Если побежите сейчас, есть шанс выйти к ручью.

Серис не двинулась.

— Почему? — спросила она.

На лице Ардена дёрнулось что-то похожее на отвращение к самому себе.

— Меня привели сюда убивать предателей. Я увидел хранителей, которых режут, пока они держат печати. Хватит с меня лжи на одну ночь.

Снизу раздался новый крик. Женский. Серис закрыла глаза на миг и поняла, что Алесса умерла. Или умирала. Это было почти то же самое.

— Вы спасаете дочь своих врагов? — прошептала она.

— Сегодня врагом стало слишком много тех, кто не должен был им быть.

Он подошёл ближе, достал из-за пояса небольшой ключ, выкованный в форме когтя, и вложил в её ладонь.

— За кладовой — лестница вниз. Потом коридор к ледяному ручью. На той стороне тропа для обозов. Там вас должен ждать мул, если мои люди успели.

— А если нет?

— Тогда идите пешком, пока держитесь на ногах.

Девочка в пелёнках тихо вздохнула. Арден посмотрел на неё так, словно хотел запомнить не только лицо, но и сам факт её существования. Потом его взгляд скользнул к медальону на шее Серис.

— Покажите.

Серис инстинктивно отступила, однако он не тянулся отобрать. Лишь раскрыл створки и приложил палец к внутренней стороне. В металле вспыхнула тонкая багровая линия.

— Родовая печать откликается, — сказал он. — Носить открыто нельзя. Спрячьте. Девочка должна сама открыть его однажды. Если доживёт.

Это «если» обожгло сильнее любой грубости.

— Как её зовут? — спросил он.

— Айрин.

Арден повторил имя одними губами, словно запоминая.

Где-то на нижнем дворе прогремел взрыв. Стёкла галереи дрогнули. Арден резко надел шлем и отошёл к арке.

— Идите. Если вас остановят мои люди, скажите, что шли по приказу северного крыла. Это может выиграть минуту. Не больше.

— А вы?

Он не ответил сразу.

— Я останусь здесь. И буду помнить, что видел этой ночью.

Серис прижала ребёнка к груди и бросилась к кладовой. Позади уже гремели шаги. На лестнице плакал кто-то из младших. Слева пахло дымом, справа — кровью и раскалённым металлом. Дом Огненного Феникса умирал, а маленькая Айрин молчала, будто уже училась жить среди потерь.

На пороге кладовой Серис обернулась в последний раз. Арден Вэйн стоял в арке, спиной к ней, с обнажённым мечом, и встречал тех, кто шёл вверх. На мгновение ей показалось, что

он не человек, а тёмный столб среди огня, поставленный богами не для спасения, а для того, чтобы стать свидетелем.

Потом дверь захлопнулась.

В ту ночь Дом Феникса сгорел. Но одна искра всё-таки ушла в горы.

Глава 1. Пепел в волосах

Деревня Мшистый Лог просыпалась всегда одинаково — с кашля.

Кто-то кашлял в сарае, кто-то у колодца, кто-то прямо на улице, поднимая деревянное ведро с водой. В сырой низине, куда стекали горные туманы, простуда считалась не болезнью, а состоянием сезона. Когда Айрин было семь, она ненавидела этот звук. К девятнадцати привыкла настолько, что могла по кашлю отличить соседа Крафта от вдовы Эммы.

Утром, с которого для неё началось всё, кузница Томаса уже дышала жаром, а сам Томас ругался на весь двор, пытаясь поднять заклинивший мех. У него вечно всё было не так: уголь сырой, железо плохое, мальчишки ленивые, налоговый сборщик жадный, а Айрин, по его мнению, и вовсе рождена затем, чтобы портить честным людям нервную систему.

— Не стой столбом, девка, — рявкнул он, когда она вошла. — Если хочешь смотреть на огонь, выходи замуж за свечника. Тут работа.

Айрин молча закатала рукава и подставила плечо под деревянный рычаг. Мех застонал, воздух пошёл в горн, угли вспыхнули. Томас буркнул что-то одобрительное, но вслух, разумеется, не похвалил.

Он был крупным, седобородым и жёстким, как весь выкованный им металл. После смерти её приёмных родителей только он согласился взять сироту в подмастерья. Не потому, что проникся, а потому, что нужны были дешёвые руки. Он кормил её объедками, учил через подзатыльники и не переносил слез. Но последние десять лет рядом с ним у Айрин было хоть какое-то место в мире. В Мшистом Логу этим нельзя было разбрасываться.

— Подковы к полудню, — сказал Томас. — И чтоб без кривых краёв. Крафт опять повезёт лес в верхний перевал. Если у него лошадь захромает, он будет стонать до Пасхальной недели.

— Он и без хромой лошади стонет, — заметила Айрин.

Томас хмыкнул. Это у него считалось смехом.

Кузница стояла у самой дороги, и через распахнутые ворота было видно, как деревня приходит в движение. Староста спорил с мельником о цене муки. Мальчишки гоняли палкой деревянный обруч. У колодца уже толпились женщины. Несколько раз Айрин ловила на себе взгляды и быстро опускала голову. В деревне её знали слишком хорошо, чтобы принимать как свою. Слишком много чужой крови, слишком много странного упрямства, слишком мало приданого. Вроде выросла рядом, а вроде и не отсюда.

— Опять смотришь наружу, — буркнул Томас. — Железо за тебя себя не откуёт.

— Я смотрю, не идёт ли Рольф.

Томас сплюнул прямо в угольную яму.

— Идёт, конечно. День податей, чтоб ему глоткой собственный реестр подавиться.

Рольф, сборщик имперских пошлин, навевался раз в месяц и каждый раз находил повод накинуть сверху ещё немного. Томас спорил с ним всегда, проигрывал почти всегда, а потом полдня ходил по кузнице как грозовая туча. В деревне Рольфа ненавидели, но боялись больше, чем ненавидели. За ним стояли печати, бланки и имперский патент. У бедных людей против бумаги шансов мало.

К полудню Айрин успела выковать две подковы, обжечь пальцы и сорвать кожу на ладони, пока обтачивала край. Жар обнимал лицо липкой волной, чёлка прилипла ко лбу, а пот стекал между лопаток. Нормальное рабочее утро. Почти успокаивающее.

Почти — до того момента, как в кузницу вошёл Рольф.

Он вошёл не один, а с двумя солдатами дорожной стражи, будто деревня в пятьдесят дворов представляла хоть какую-то угрозу Империи. На плечах у него блестел короткий плащ

чиновника, пальцы были унижены кольцами, а на губах лежала неизменная брезгливая улыбка человека, который искренне считает грязью всех, кто пахнет потом.

— Томас, — протянул он, оглядывая кузницу. — Какое гостеприимство. Даже дым гуще обычного.

— Войди почище в следующий раз, — отрезал Томас. — Может, и дым покажется приятнее.

Айрин отложила молот и незаметно вытерла руки о фартук. Один из солдат скользнул по ней взглядом и ухмыльнулся.

— Подмастерье у тебя всё тот же? — поинтересовался Рольф. — Сирота жива, значит. Ну что ж, похвально. Империя ценит милосердие.

— Империя ценит только деньги, — сказал Томас.

— И порядок. — Рольф достал свиток. — С этого месяца ставка на железо увеличена. Кроме того, ваш долг за прошлую недостачу не погашен.

— Какую ещё недостачу? Я заплатил всё по реестру.

— По старому реестру, — сладко пояснил Рольф. — А у меня новый.

Он развернул бумагу с таким удовольствием, словно показывал не сумму, а казнь.

Томас быстро просмотрел строки, и на его лице медленно налился цвет.

— Ты охренел? — спросил он почти спокойно. — Здесь в полтора раза больше.

— Значит, у кузницы дела идут хорошо. Поздравляю.

— У кузницы дела идут так, что я скоро начну ковать себе новый желудок взамен того, который сожгли налоги.

Солдаты заржали. Рольф не улыбнулся. Он уже чувствовал запах власти.

— У вас три дня, Томас. Иначе я опишу имущество. Горн, инструменты, металлолом. Может быть, даже дом.

Айрин сделала шаг вперёд раньше, чем успела подумать.

— А есть предел тому, сколько вы можете содрать с одной кузницы? — спросила она.

Оба солдата повернулись к ней. Томас тихо выругался.

Рольф поднял бровь.

— Есть, девочка. Предел называется законом. Ты, судя по речи, с ним плохо знакома.

— Я знакома с тем, что зимой люди не едят законы.

— А ты, похоже, слишком разговорчива для подмастерья.

Томас дёрнул её за локоть назад.

— Молчи.

— Нет, почему же, — Рольф склонил голову. — Пусть говорит. Мне всегда интересно, что думают бедные, прежде чем снова становятся послушными.

Айрин хотела ответить, но встретилась взглядом с Томасом и замолчала. Он смотрел тяжело. Не зло. С предупреждением. С тем самым, старым и ясным: выживи сначала, гордая.

Рольф закатал свиток.

— Три дня. Я вернусь.

Когда он ушёл, Томас с такой силой швырнул клещи в стену, что деревянная полка треснула.

— Ты совсем дура? — рявкнул он. — Хочешь, чтобы мне долг удвоили?

— А мы и так не заплатим.

— Это не повод лезть языком на нож!

Он шумно выдохнул, отвернулся и несколько секунд стоял, упираясь ладонями в верстак. Айрин смотрела на его широкую спину и чувствовала знакомый укол вины. Томас был прав. Но правота не делала происходящее менее мерзким.

— Прости, — сказала она.

— Толку мне с твоего прости, — буркнул он. — Возьми воду и сходи к коновязи. У Крафта одна лошадь опять подбила копыто. Посмотришь.

Она кивнула и вышла из кузницы.

На улице стоял густой дневной свет. Осенний, но ещё тёплый. Лошади у коновязи били хвостами мух. Крафт ругался с мальчишкой-погоничем, тот оправдывался. Айрин опустилась на корточки у серой кобылы, осторожно подняла ногу и осмотрела треснувший край копыта.

— Нужна новая подкова, — сказала она. — Иначе к перевалу не ходи.

— Скажи это Томасу. Он и так мне все деньги проел, — пробурчал Крафт, потом смягчился. — Ты б хоть себе шаль купила, Айрин. Ходишь как бесприданница.

— Потому что я и есть бесприданница.

Крафт не нашёлся, что ответить. Он только пожевал усы и отвернулся. Так бывало часто. Люди жалели её ровно до того момента, пока она сама не называла вещи своими именами.

От коновязи была видна северная кромка неба. Чистая. Слишком чистая. Айрин задержала взгляд. Ей вдруг показалось, что над дальним хребтом что-то мелькнуло. Тень, быстрая и длинная. Может, орёл. Может, просто игра света.

Она тронула медальон под рубахой. Старый, потемневший, на тонкой цепочке. Приёмная мать перед смертью сказала только одно: «Не снимай. Это всё, что осталось от твоих настоящих». Больше ничего. Ни имен, ни истории.

Иногда Айрин представляла себе этих «настоящих» как богатых купцов, иногда как разбойников, иногда как людей, которые добровольно забыли о её существовании. Реже — как кого-то высокого и страшного, имеющего отношение к тем драконам, что пересекали небо над границей. В такие минуты ей становилось стыдно за себя. Мшистый Лог плохо относился к девочкам, которые слишком часто смотрят вверх.

К вечеру небо всё-таки изменилось. Тень вернулась. Сначала одна. Потом вторая. Потом третья.

Айрин как раз держала раскалённую полосу железа щипцами, когда услышала первый крик на улице. Не ругань. Не бытовой крик. Тот самый, который рождается на самом дне живота и распарывает человеку горло, потому что он ещё не успел поверить в свою смерть.

Она выронила металл в воду. Пшикнул пар.

— Томас, — сказала она.

Он уже вышел во двор.

Север неба потемнел. Три длинные тени, перекрывая солнце, шли над деревней с той скоростью, с какой не летали обычные птицы. Крылья, узкие головы, шипастые хвосты.

Виверны.

— В погреб! — заорал кто-то на улице.

Первая тварь пошла в пикирование так резко, что воздух засвистел. С её пасти сорвалась струя огня. Соломенная крыша старостиного дома вспыхнула сразу, как сухая пакля. Вторая польхнула по амбару. Третья задела крылом колокольный столб, и тот рухнул на дорогу.

Деревня взорвалась паникой.

— Вниз! — рявкнул Томас, толкая Айрин к задней двери. — В погреб. Сейчас же.

Она сделала шаг и замерла. На улице орал ребёнок. Где-то у колодца, один, тонко и безнадёжно. Томас тоже услышал. Выругался. Уже в следующую секунду он выскочил из кузницы с молотом в руках.

— Томас!

Но он не обернулся.

Айрин рванулась следом. Двор был уже полон дыма. На дороге металась люди, кто-то падал, кто-то тянул за собой козу, кто-то бежал прямо в огонь, потому что там остались свои. Первая виверна шла на второй захват, царапая когтями крыши. Вторая рухнула на телегу с сеном и поднялась, трясая головой, как собака.

Томас добежал до колодца и одним рывком схватил визжащего мальчишку за ворот рубахи. Почти тут же сверху спикировала третья тварь. Слишком быстро. Слишком низко.

Айрин закричала.

Томас швырнул ребёнка в сторону. В последний миг успел развернуться и поднять молот. Железо ударило виверне в глаз. Тварь взвыла, дёрнулась, но её хвост с костяным жалом уже описал полукруг. Шип вошёл кузнецу в живот и вышел со спины.

Время на мгновение стало вязким.

Томас ещё стоял, словно не понял, что произошло. Потом молот выпал из его руки. Он опустился на колени.

Айрин добежала до него уже среди падающего пепла. Земля вокруг была горячей, словно под ней раздули печь. Она рухнула в грязь, подхватила его тяжёлое тело, прижала ладони к ране и сразу поняла, что кровь слишком тёплая и слишком много её.

— Не смей, — прошептала она. — Только не ты. Слышишь меня? Не смей.

У него дёрнулись веки.

— Уходи, — выдохнул он.

— Нет.

Она давила на рану, не веря рукам, которые уже скользили от крови. Люди кричали. Над головой хлопали крылья. Из-за дыма было трудно дышать, а перед глазами всё плыло. Внутри, под рёбрами, поднималась та тупая ненависть к миру, которую она знала ещё со смерти приёмной матери. Только теперь вместе с ненавистью поднималось нечто ещё. Жар. Не от огня, а изнутри.

Он разлился от живота по рукам, дошёл до пальцев и ударил наружу.

Айрин ахнула и опустила взгляд. По её коже, от запястий к ладоням, проступали тонкие чешуйчатые узоры — алые с золотом. Словно под кожей кто-то разжёл плавильную печь. Жар сорвался с ладоней и ушёл в тело Томаса.

Она не видела, как это происходит. Только чувствовала. Как сводятся края раны. Как в дряблом сердце снова появляется тяжёлый, медленный ритм. Как чужая боль входит в неё иглами и тут же тает, выжигаемая изнутри.

Томас судорожно вдохнул.

Айрин отдёрнула руки.

Кровь перестала течь. Там, где только что зияла смертельная дыра, остался грубый, свежий рубец.

— Айрин?.. — прохрипел он.

Тяжёлый стук сапог раздался за спиной.

Она обернулась, инстинктивно закрывая собой кузнеца. На дороге стояли трое всадников в чёрных кожаных доспехах с серебряной чеканкой. Настоящих имперских драконов она увидела лишь потом, когда подняла взгляд чуть выше и едва не задохнулась от страха. Огромные, военные, в сбруе. Один зелёный дракон нервно мял когтями выгоревшую землю, второй бронзовый встряхивал крылья, а третий — почти чёрный — смотрел прямо на неё с такой осознанностью, что стало холодно.

Старший патруля откинул забрало. У него было обветренное лицо и шрам через бровь.

— Руки вверх, — приказал он. — Медленно. И без глупостей.

Айрин подняла дрожащие ладони. На коже ещё гасли золотистые отсветы. Лейтенант подошёл ближе, перевёл взгляд с неё на Томаса и тихо присвистнул.

— Регенерация тканей, — сказал он. — И не слабая. Где же тебя до сих пор прятали?

— Я никого не убивала, — выдохнула Айрин. — Я только помогла.

— Это и плохо, девочка. Помогающие иногда опаснее убивающих.

Он кивнул подчинённым.

— Взять её.

Один из солдат схватил Айрин за локоть. Она рванулась, но второй тут же вывернул ей руку. Томас попытался подняться, и лейтенант без спешки положил ладонь на рукоять меча.

— Лежи, старик. Тебе сегодня уже выдали лишнюю жизнь.

— За что? — спросила Айрин, с трудом дыша. — За то, что я спасла человека?

— За незарегистрированный дар, — спокойно ответил лейтенант. — За стихийное проявление без инициации. За диковинную кровь, о которой почему-то никто не докладывал. Выбирай, что больше нравится.

При грубом обыске пальцы солдата наткнулись на цепочку под воротом. Айрин дёрнулась.

— Не трогай!

Солдат уже вытащил медальон наружу. Потемневшее серебро, птица в пламени. Лейтенант взял вещицу, повертел в пальцах. Его лицо изменилось.

— Феникс, — тихо сказал он.

На миг улица, огонь и крики будто отступили.

— Откуда это у тебя?

— Моё.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Девятнадцать... — повторил он. — Очень занятное число.

В его взгляде, до того холодном и деловом, появилась жадность человека, который нашёл не просто нарушителя, а ценную добычу.

— Вяжите крепче, — велел он. — Полетит со мной.

Томас зашевелился, попытался оттолкнуть солдата и закашлялся.

— Не смейте, — прорычал он. — Она ничего вам не должна.

Лейтенант взглянул на него почти с сочувствием.

— Все кому-то что-то должны, старик. Империи, закону, крови. Твоя подмастерье задолжала всем сразу.

Айрин ещё успела увидеть, как огонь перекидывается на сарай, как вдова Эмма падает возле колодца, как мальчишку, которого спас Томас, тащит в погреб мать. Потом её резко дёрнули за спину, связали руки и повели к дракону.

Она обернулась последний раз. Томас сидел в грязи, прижимая ладонь к рубцу на животе, и смотрел на неё так, словно хотел запомнить.

Уже взмывая в воздух, Айрин поняла, что вместе с деревней оставляет под собой всё, что называла своей жизнью.

Глава 2. Полёт в цепях

Её привязали к седлу не как человека, а как груз.

Верёвка врезалась в грудь и плечо, ноги затекли почти сразу, а ледяной ветер бил в лицо так, будто хотел содрать кожу. Айрин успела закричать только на первом рывке, когда дракон оттолкнулся от земли. Потом воздух выбил из неё всякий крик. Осталась только судорожная попытка дышать.

Под ними быстро уменьшалась деревня. Сверху Мшистый Лог был похож на детскую игрушку, которую кто-то бросил в костёр. Несколько домов ещё держались, но огонь уже тянулся между крышами, как живой зверь. Айрин пыталась разглядеть кузницу. Не смогла.

Лейтенант впереди неё сидел прямо и спокойно, словно полёт на боевом драконе в дыму и пепле был самым обычным делом. Чёрная чешуя зверя под ними была тёплой, почти горячей, и местами вибрировала от скрытой мощи. Каждый взмах крыльев отдавался в рёбрах тупым ударом.

Через некоторое время дым остался позади. В лицо ударил уже не жар пожара, а чистый горный холод. Луна ещё не поднялась, но небо быстро синело до вечернего. Далёкие хребты лежали один за другим, как спины каменных чудовищ.

Когда страх отпускал горло на одно мгновение, в него тут же входило другое чувство — унижительное, почти постыдное восхищение. Мир с высоты был огромен и страшен, но неотразим. Айрин видела то, о чём раньше знала только по рассказам редких торговцев: ледяные седловины, по которым ветер ходил как вода, чернильные озёра в каменных чашах, нитки дорог, исчезающие в лесах, будто кто-то пытался зашить ими рану на теле гор. Иногда внизу мелькали сторожевые башни с имперскими знаками, и тогда она особенно ясно понимала, как велика страна, в которой деревня вроде Мшистого Лога значила меньше случайной искры на перевале. От этой высоты её мутило не только телом. Становилось страшно за себя прежнюю. За ту Айрин, которая ещё утром думала о подковах, долгах и том, как бы не злить Томаса. Та жизнь, как бы горька она ни была, помещалась в ладонь. Новая не помещалась ни во что.

— Не дёргайся, — бросил лейтенант через плечо. — Свалишься — не поймаю.

Айрин сглотнула сухим ртом.

— Куда вы меня везёте?

— В Академию Штормового Предела.

— За что?

Он усмехнулся, хотя она видела только край его щеки.

— Ты правда не понимаешь, что натворила?

— Я человека спасла.

— Именно. — Он повернул голову чуть сильнее. — Обычные деревенские девки так не делают.

— Я не хотела никому вредить.

— Вред не спрашивает, хотят его или нет.

Она замолчала. Сил спорить не было. Только внутри всё ещё пульсировал тот странный жар, что вышел из неё у тела Томаса. Теперь, когда паника чуть отступила, на её месте рос страх другого рода. Что, если это повторится? Что, если это действительно что-то настолько опасное, что за него казнят?

Час спустя они сделали первую посадку на каменном выступе посреди перевала. Айрин почти вывалили из седла. Ноги не держали, и она упала на колени, закашлявшись. Холодная роса на камнях тут же пропитала подол юбки.

Вторая пара патрульных уже ждала там. У их драконов горели на шее дорожные фонари, прикрытые стеклом. Один из солдат бросил лейтенанту кожаную флягу.

— На юге чисто, — доложил он. — Виверн доби́ли?

— Одну покалечили деревенские, две ушли к лесу. Завтра зачистят. — Лейтенант кивнул на Айрин. — А я везу подарок.

Фонарь осветил её лицо. Второй патрульный подошёл ближе, прищурился.

— Это та самая?

— Пока не знаю, та ли самая. Но знак у неё интересный.

Айрин вскинула голову.

— Какой знак?

Ей не ответили.

У соседнего валуна сидел ещё один человек — парень лет семнадцати в порванной серой рубахе. Его руки тоже были связаны. Лицо побито, губа разбита, а под глазами залегли фиолетовые тени. Он смотрел на драконов с таким ужасом, что Айрин сначала приняла его за крестьянина из какой-то другой деревни.

— Кто это? — спросила она негромко.

Парень вздрогнул, будто не ожидал, что к нему обращаются. Потом горько усмехнулся.

— Такой же улов, как ты. Только я свечу зажёл не там, где надо.

— Дар?

— Случайный. — Он опустил взгляд. — У нас на ярмарке подрались, меня толкнули, я упал, испугался... и сжёг телегу. Теперь еду учиться или умирать. Пока не понял, что из этого хуже.

Лейтенант бросил на них взгляд.

— Болтовню прекратили.

Парень ссутулится. Больше до посадки он не заговорил.

Они летели всю ночь. Горы под ними становились выше, воздух холоднее. Несколько раз Айрин проваливалась в короткие, рваные провалы беспамятства и просыпалась от новых рывков. В какой-то момент внизу мелькнула ледяная река, потом — цепочка огней на перевальном тракте, потом — чёрная бездна, над которой дракон летел так низко, что крылья, казалось, цепляли туман.

На рассвете её разбудил удар света в глаза.

Академия Штурмового Предела выросла из скалы так внезапно, будто её выточил не человек, а сама гора решила породить крепость. Чёрные башни висели над пропастью. Между ними тянулись мосты, по которым бежали маленькие фигурки. Изнутри скалы валил пар — горячие источники поднимались столбами тумана и обвивали нижние ярусы белой дымкой. Над всем этим кружили драконы. Десятки. Может, сотни. Разных мастей, размеров и нрава.

Айрин забыла о боли в плечах. На мгновение — всего на одно — её захлестнул восторг.

Потом дракон пошёл вниз, и восторг сменился животным ужасом.

Посадочная площадка дрожала от рёва зверей и людских команд. Там уже ждали лекари в серых мантиях, писцы с реестрами, стража и несколько офицеров. Лейтенант ловко спрыгнул первым, потом резко дёрнул верёвки. Айрин съехала вниз неловко, почти упала, но её подхватили под руки.

— Карантинный блок, — приказал лейтенант. — Сначала диагностика, потом отчёт дежурному магу. И не снимайте с неё браслеты, пока не скажут.

— Имя? — сухо спросил писец, уже макая перо.

— Айрин. Без рода, — ответила она.

— Возраст?

— Девятнадцать.

— Обстоятельства проявления?

— Деревенский инцидент, регенерация тканей, ярко выраженный феноменальный отклик. — Лейтенант помедлил. — И возможная связь с Домом Феникса.

Перо в руке писца дрогнуло.

Он быстро поднял взгляд, потом опустил ещё быстрее.

— Подтверждено?

— Пока нет.

Айрин хотела спросить, что всё это значит, но ей уже застегнули на запястьях холодные металлические обручи. От них пошло неприятное покалывание, и жар внутри сразу пригас, будто кто-то накрыл угли мокрой тканью.

— Что это? — выдохнула она.

— Блокираторы, — сказала одна из лекарок. — Чтобы ты случайно не спалила половину яруса.

— Я не...

— Пока не знаешь, на что способна, — договорила женщина без злобы. — Поэтому молчи и иди.

Карантинный коридор тянулся глубоко в скалу. Камень был тёмным, отполированным тысячами ног. Вдоль стен горели магические светильники. Воздух пах водой, железом и зверем. Где-то неподалёку ревел дракон, неяростно, а глухо, как от боли.

Они завели её в смотровую комнату. Там уже ждали двое мужчин в тёмно-серых мантиях с нашивками диагностов.

— Сними верхнюю одежду, — велели ей.

Айрин осталась в тонкой рубашке, чувствуя себя грязной и незащищённой. Один из диагностов обошёл её кругом, как лошадь на ярмарке. Второй поднял тонкий стеклянный жезл, и по воздуху поползли световые нити.

— Следы стихийного пробуждения, — пробормотал первый. — Огненный спектр... нет, смешанный. Странно. Очень странно.

— Каналы надорваны. Резерв не сформирован. Но отклик на биоматерию высокий.

— Магия жизни?

— Не только. Тут есть ещё что-то.

Они говорили о ней так, будто её не было в комнате.

— Я всё слышу, — не выдержала Айрин.

Первый диагност даже не повернул головы.

— Привыкай. Здесь всё, что в тебе опасно, будут рассматривать по частям.

Её заставили приложить ладони к тёмному каменному диску. Ничего не произошло.

— Попробуй вызвать то, что было у тела кузнеца, — приказал второй.

— Я не умею.

— Тогда вспомни, что чувствовала.

Айрин закрыла глаза. Кровь на руках. Жар. Страх. Томас, который умирает. На миг внутри шевельнулось знакомое тепло. Диск под ладонями вспыхнул золотистой рябью, потом треснул пополам.

Оба диагноста отшатнулись.

— Достаточно, — резко сказал первый. — В камеру её. Немедленно.

— Я не хотела...

— Именно это тревожит сильнее всего, — сухо ответил он.

Когда её вывели обратно в коридор, парень с разбитой губой сидел у стены напротив. На его руках уже не было браслетов, но взгляд оставался пустым.

— Что с ним будет? — спросила Айрин лекарку.

— Если резерв окажется годным — определят на младший курс или в ремесленный корпус. Если нет — вернут в провинцию под надзор. Если совсем нет — не твоё дело.

Не твоё дело. В Академии, как быстро поняла Айрин, этим выражением заменяли и утешение, и угрозу, и милосердие.

Камера в карантинном блоке оказалась каменным мешком с решёткой вместо двери. В углу лежал тюфяк, рядом стояло ведро, в стене была крохотная бойница, через которую тянуло ледяным сквозняком.

Только когда решётка с лязгом закрылась, Айрин по-настоящему поняла, что дороги назад нет.

Она села на тюфяк, подтянула колени к груди и попыталась думать о чём-то простом. О кузнице. О том, как Томас ругается на кривые гвозди. О запахе воды из колодца. Но мысли всё равно возвращались к тому моменту, когда под её пальцами срослась чужая плоть.

— Кто вы? — спросила она шёпотом, не понимая, к кому обращается. К неизвестной крови внутри себя? К тем «настоящим», от которых у неё остался лишь медальон? К богам, если они вообще были.

Ответа не было.

Шаги в коридоре она услышала много позже. Неторопливые, твёрдые. Не караульные. Не лекарские. В этих шагах было то спокойное право занимать пространство, которое рождается только у очень высоких по положению людей.

Айрин поднялась.

За решёткой остановился мужчина в чёрном мундире с серебряными эполетами. Высокий, широкоплечий, с лицом, будто вырезанным из камня, и прозрачными серыми глазами, в которых не было ни тепла, ни обычного любопытства. Только внимание хищника, который рассматривает не пленника даже, а новый вид оружия.

Стражник позади него выпрямился так, что едва не треснул позвоночником.

— Генерал Вэйн, — выдохнул он.

Айрин никогда прежде не слышала это имя. Но поняла сразу: перед ней человек, при котором здесь меняется воздух.

— Имя, — сказал генерал.

— Айрин.

— Родовое имя.

— У меня его нет.

— У всех оно есть. Вопрос лишь в том, кто его у тебя отнял.

Он кивнул стражнику.

— Открой.

— Но, генерал, диагностика ещё...

— Открой.

Решётка отъехала с тяжёлым скрипом. Генерал вошёл внутрь, и тесная камера сразу стала казаться вдвое меньше. От него пахло морозом, кожей и чем-то металлическим, почти лекарственным.

— На свет, — приказал он.

Айрин шагнула из тени к бойнице. Он рассматривал её без спешки — лицо, руки, осанку, даже то, как она ставит ноги. Не как мужчина смотрит на женщину. Как военный — на редкую породу боевого зверя.

— Медальон, — сказал он.

Она замерла.

— Его забрали.

— Я знаю. — Генерал немного склонил голову. — Ты знаешь, что на нём изображено?

— Птица в огне.

— Феникс. Дом, уничтоженный девятнадцать лет назад.

Её горло сжалось.

— Мне ничего не известно о моём доме.

— Это я тоже знаю.

Он протянул руку. Пальцы были длинные, слишком сильные, с тонкими белыми шрамами на костяшках.

— Не двигайся.

Айрин замерла. Генерал коснулся её подбородка, разворачивая лицо к свету. В тот же миг внутри неё вспыхнул знакомый жар. Но теперь ему навстречу пошло другое — ледяное, колючее, древнее. Воздух между ними как будто задрожал.

И она услышала голос.

Не человеческий. Глубокий, рокочущий, полный силы, которой тесно в камне и плоти. «Истинная. Моя».

Айрин ахнула и дёрнулась. Генерал отшатнулся так резко, словно его ударили. Впервые его лицо изменилось. Шок. Ярость. И то, чему она не сразу подобрала имя: страх.

— Проклятье, — выдохнул он.

— Что это было? — шепнула она.

Он уже закрывал выражение лица. Захлопывал его, как железную ставню.

— Ошибка, — сказал он ледяным тоном. — Очень опасная ошибка.

Он повернулся к стражнику.

— Перевести её из карантина в хозяйственный блок. Работать там, где не будет ни драконов, ни оружия, ни высоты. Под надзором. Любой прямой контакт с вольерами — по моему личному разрешению.

— Слушаюсь, генерал.

— И ещё. — Он снова посмотрел на Айрин, и от этого взгляда по спине пошёл холод. — Если хоть раз попытаешься воспользоваться даром без приказа, тебя сочтут угрозой. В Академии угрозы долго не живут.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Айрин ещё несколько секунд стояла неподвижно, прижимая ладонь к подбородку, где горела кожа. «Истинная. Моя». Чей это был голос? И почему человек, которого боялись стража и лекари, отпрянул от неё, словно увидел не шанс, а беду?

Ответов не было. Только лязг решётки и холод новой жизни, уже вступавший в свои права.

Глава 3. Карантин

Утром её вывели из камеры раньше, чем полностью погасли ночные светильники.

Бойница в стене едва посерела, когда пришли двое стражников, сняли решётку и велели идти за ними. Без завтрака. Без объяснений. Блокираторы на запястьях не снимали, и Айрин уже начинала ненавидеть их не меньше, чем сам камень Академии. От металла шла тупая ломота, будто внутри костей поселился холод.

Сначала её отвели не в хозяйственный блок, а в помещение, похожее на купальню, только без всякого намёка на мягкость. Вдоль стены стояли деревянные кадки, на крюках висели серые холщовые робы. На лавке уже сидели трое — парень с обожжённой шеей, худая девчонка лет пятнадцати с веснушками и женщина постарше, крепкая, с тяжёлым взглядом и поломанным носом.

— Новая, — сказала женщина, не глядя на Айрин. — Откуда?

— Из Мшистого Лога.

— Сочувствую твоему Логу.

Голос у неё был сиплый, словно прокуренный. Она больше ничего не спросила.

Лекарка с коротко стриженными волосами подошла к Айрин, ткнула пальцем в грудь.

— Одежду сюда. Волосы развязать. Украшения отдать.

— Медальон уже забрали.

— Значит, меньше мороки.

Айрин, стиснув зубы, переделась в грубую робу. Ткань пахла щёлоком и известью. Волосы быстро сплели в тугую косу, чтобы не мешали. Потом всех четверых построили у двери и повели по коридорам.

По пути Айрин наконец увидела часть Академии днём. Скальные переходы, арки, стены, исписанные вытертыми от времени именами. Из верхних ярусов тянуло холодным ветром. Из нижних — паром и кухонной гарью. Навстречу попадались курсанты в синих мундирах. Они шли быстро, уверенно, с тем ленивым превосходством, которое вырабатывается у тех, кто с детства знает своё место и чужое. Некоторые бросали на новоприбывших равнодушные взгляды. Некоторые — откровенно презрительные.

— Не смотри им в глаза, — шепнула женщина с поломанным носом. — Если не хочешь лишней беды.

— Почему?

— Потому что для них мы ещё не люди, а сырьё. Кому повезёт, станет курсантами. Кому нет — рабочими при Академии. А кому совсем не повезёт, тот исчезнет из реестров.

— Кто ты?

— Бригит. Из речной заставы. Пожгла лодочный склад, когда муж поднял руку. — Она усмехнулась краем губ. — Так что не советую делать вид, будто твоя беда особенная.

И всё же Айрин чувствовала: её беда была особенной. Не потому, что сильнее, а потому, что после вчерашней ночи вокруг неё образовалось странное поле напряжения. Стражники, лекари, диагносты, сам генерал — все реагировали на неё чуть острее, чем следовало бы на очередного неучтённого мага.

Хозяйственный блок находился в подземных ярусах. Чем ниже они спускались, тем тяжелее становился воздух. Камень мокрел. По стенам тянулся грибок. Из-за поворота пахло кислой капустой, мокрой золой и драконьим навозом.

— Дом милый дом, — буркнула Бригит.

У железной двери их уже ждала женщина лет пятидесяти, широкая, как комод, в тёмном переднике поверх серой робы. Волосы у неё были убраны в тугий пучок, лицо обветрено, а глаза — маленькие и тяжёлые, будто умеющие давить без крика.

— Я Мэгги, — сказала она. — Для вас — надзирательница Мэгги. Кто умеет работать руками?

Бригит подняла руку первой.

— Рыбу разделявать, сети чинить, людей бить.

Кто-то из стражников фыркнул.

— Хорошо. На кухню. Ты? — она ткнула в парня с обожжённой шеей.

— Глину мять. Печь топить.

— В прачечную и к котлам. Ты? — Она посмотрела на веснушчатую девчонку.

— Я... шить умею.

— Склад белья.

Очередь дошла до Айрин.

— Кузница, — сказала она. — Подковы, гвозди, ремонт инструмента.

Брови Мэгги чуть поднялись.

— Кузница? В юбке?

— В фартуке, — сухо ответила Айрин.

Мэгги несколько секунд её разглядывала. Потом хмыкнула.

— В хозяйстве каждые руки пригодятся. Но кузница при Академии под военным приглядом, туда тебя не пустят. Значит, пойдёшь на кухню, в прачечную и в ящерные стойла. Там тоже нужно таскать, чистить и не ныть. Если покажешь, что мозги у тебя не только для дерзости, может, потом и к железу подпущу.

— Я не дерзила.

— Уже споришь. Значит, дерзкая.

Дальше день разломился на мелкие унижения.

Айрин таскала воду, мыла котлы, скребла каменный пол жёсткой щёткой и к полудню уже плохо чувствовала пальцы. Кухня хозяйственного блока обслуживала не только работников, но и часть младшего состава, поэтому кипела с раннего утра до поздней ночи. Огромные чаны дышали паром. Повара орала. Дым щипал глаза. Любая ошибка становилась видна сразу.

— Не так держишь! — рявкнула повариха в красном платке, когда Айрин подняла котёл. — Тебя что, в твоей деревне учили руками не пользоваться?

— Меня учили железо таскать, а не кипящий суп.

— Здесь научат всему.

К вечеру её перекинули в прачечную. Там было ещё хуже. Чаны с кипятком, мыльная пена, кислый пар, мокрый камень под ногами. Несколько девушек работали молча, не поднимая глаз. Одна плакала прямо над тазом, стараясь делать это тихо.

Там Айрин впервые увидела Лиру.

— Держи, — сказала та ей, протягивая деревянную палку для перемешивания белья. — Руками не лезь. Было уже. Кожа сходит потом слоями.

У Лиры были огромные карие глаза, по-детски мягкое лицо и нервные пальцы, исцарапанные чем-то мелким. Она улыбнулась виновато, будто заранее извинялась за сам факт знакомства.

— Я Лира.

— Айрин.

— Ты новенькая. Все уже шепчутся.

— О чём?

Лира тут же покраснела.

— Прости. Я не должна была...

— Говори.

— Что тебя лично спустили из карантина по приказу генерала. И что после этого дежурный маг полчаса ругался с архивным отделом. — Она помедлила. — И ещё, что у тебя странный отклик на драконов.

Айрин резко подняла голову.

— Кто это сказал?

— Никто прямо. Просто... здесь стены всё слышат.

Это оказалось правдой. В подземных ярусах слухи двигались быстрее людей. К ужину Айрин уже успела узнать, что генерал Вэйн якобы лично выпорол в прошлом месяце двух курсантов за дуэль, что в северном вольере держат полудикого молодого дракона, убившего трёх дрессировщиков, и что невеста генерала — леди Ванесса Арден — приезжает в Академию тогда, когда хочет напомнить всем о своём месте.

— А она часто приезжает? — спросила Айрин, сама не понимая, зачем ей это знать.

— Когда есть повод, — тихо ответила Лира. — А повод она обычно находит.

После ужина Мэгги отвела новых работников в жилой коридор. Комнаты там назывались комнатами лишь из вежливости. Ниши со шторой или голой дверью, по три-четыре тюфяка, сундучок, крюк на стене.

— Мужики отдельно, — отрезала Мэгги. — Бригит к старшим работницам. Лира, новую к себе возмёшь. Место у тебя ещё есть?

— Есть, госпожа Мэгги.

— Не госпожа. Тут таких нет. Только те, кто доживает до весны, и те, кто нет.

Комнатушка, куда Лира привела Айрин, была тесной, но сухой. В углу уже лежал чей-то скрученный плащ, на полке стояли две глиняные кружки и пучок сушёной мяты.

— Здесь ещё иногда спит Ворон, — шёпотом сказала Лира. — Но он ночует где придётся, если в лазарете много раненых зверей. И Кай... ну, Кай скорее живёт везде понемногу.

— Кто это?

— Сам увидишь.

Увидела она его через полчаса. Когда уже совсем стемнело и Лира достала из-под тюфяка кусок чёрствого хлеба, дверь без стука распахнулась, и в комнату вполз худой, долговязый парень с растрёпанной тёмной шевелюрой, очками с треснутым стеклом и какой-то железной деталью в зубах.

— Если кто-то спросит, — сказал он, вытаскивая железку и не замечая Айрин, — я весь вечер был в кладовой и не взрывал стабилизатор на втором ярусе.

Только после этого он увидел новую соседку.

— О. У нас пополнение. Прекрасно. Обожаю внезапных людей в личном пространстве.

— Кай, — устало сказала Лира. — Это Айрин.

— Та самая? — его глаза за толстыми линзами сразу оживились. — Из карантина? С феноменом? Со скандалом?

— Без скандала, — отрезала Айрин.

— Это временно, — уверенно сказал Кай. — В таких местах без скандала долго не протянешь. Кай Эшфорд, незаконный, нежелательный, но по-своему полезный отпрыск одного вполне законного графа. Специалист по артефактам, ремонту всякого хлама и выживанию там, где начальство не желает твоего существования.

— Он много болтает, — предупредила Лира.

— Потому что умные люди должны заполнять тишину до того, как её заполнят идиоты.

Кай рухнул на край тюфяка, достал из кармана маленький медный винт и улыбнулся Айрин так, будто они встретились не в подземелье, а на ярмарке.

— Рассказывай. Что ты натворила, чтобы сам ледяной генерал спустил тебя в кухонный ад?

Айрин посмотрела на Лиру. Та развела руками.

— Не говори, если не хочешь.

Айрин помолчала. Потом сказала:

— Я спасла человека. И, кажется, этим всё испортила.

Кай перестал улыбаться по-настоящему. Только интересно прищурился.

— Тогда, — тихо сказал он, — ты испортила очень важные планы очень влиятельных людей.

Этой ночью Айрин почти не спала. Сверху глухо гудели трубы, где-то далеко гремели цепи, а рядом тихо сопела Лира. Под подушкой лежал медальон — его, к её удивлению, не забрали окончательно, а вернули без комментариев вместе с робой. Айрин сжимала его в ладони и думала о генерале, о драконьем голосе и о том, как быстро человек перестаёт принадлежать себе, если в нём просыпается сила.

Ближе к рассвету за дверью послышались осторожные шаги. Не Мэгги. Не Кай. Кто-то остановился, постоял несколько секунд и ушёл.

Утром Лира сказала, что это, наверное, снова Ворон.

— Он всегда всё видит, — шепнула она. — Просто не любит разговаривать.

Айрин тогда ещё не знала, что этот молчаливый парень с тёмными глазами станет одним из немногих, кто не попытается использовать её дар раньше, чем спросит её имя.

Глава 4. Подземный ярус

У подземного яруса был свой ритм. Не дневной и не ночной. Рабочий.

Здесь небо заменяли смены. Утро начиналось не с солнца, а с удара в ржавый гонг. Обед определялся не временем, а количеством вычищенных котлов. А вечер наступал тогда, когда ноги переставали слушаться и любая ровная поверхность начинала казаться даром богов.

На третий день Айрин уже знала, где капает с потолка самая чистая вода, в каком коридоре нужно прижиматься к стене, чтобы не снести ведром офицерского ординарца, и на какой ступеньке лестницы обязательно запнёшься, если бежишь слишком быстро. Знание это не давало свободы, но помогало выживать.

Мэгги держала хозяйственный блок железной хваткой. Она не была без нужды и не унижала словами ради удовольствия. Ей было достаточно тяжёлого взгляда и памяти о чужой лени. Если кто-то портил работу, Мэгги просто ставила его на самый грязный участок на неделю, и этого хватало.

— Не люблю истерик, — сказала она однажды, когда одна новая девчонка в прачечной расплакалась над испорченной формой. — Слезы бельё не отстирают. Если уж ревёшь, делай это с пользой. Пусть хоть вода в чан экономится.

Лира потом призналась, что боится Мэгги и втайне уважает её.

— Она выжила здесь двадцать лет, — сказала она. — Значит, умеет быть твёрже стены.

Айрин пока не решила, уважает ли Мэгги. Но начала замечать: надзирательница редко даёт работу впустую. Если отправляет кого-то на склады, значит, в соседнем коридоре будет проверка. Если гонит лично таскать воду в лечебницу для ящеров, значит, ниже по ярусу беспокойно. Мэгги не болтала о власти. Она просто умела существовать внутри неё так, чтобы не дать ей сожрать себя полностью.

Сам подземный ярус пах не одной нищетой, как могло бы показаться сверху, а множеством разных усталостей. Кислый пар прачечной, прогорклый жир кухни, мокрый камень коридоров, лекарские травы из нижнего лазарета, едкая известь, которой отбивали стены от плесени, и тяжёлый звериный дух стойл — всё это смешивалось в воздухе так, что через неделю человек уже переставал различать отдельные ноты и просто говорил: пахнет ярусом. Здесь редко смеялись в полный голос. Здесь берегли силы даже в разговоре. Люди не были одинаковыми, но усталость стирала между ними часть различий: бывшая горничная из столицы драила пол рядом с дочерью рыбака, младший бастард какого-то мелкого дома таскал мешки рядом с крестьянским сыном, а списанные с факультетов ученики учились не смотреть на простую службу слишком долго, потому что внизу всем быстро напоминали, насколько труд отличается от гордости.

В утренние часы Айрин чаще ставили на кухню. Там она быстро завоевала репутацию «той самой деревенской, которая таскает котлы, как мужик, и молчит». С поварами это работало лучше дружбы. Когда твоя ценность измеряется количеством вымытых мисок, разговоры становятся роскошью.

И всё же разговоры находили её сами.

На четвёртый день старший кухонный помощник, сутулый мужчина по имени Федер, ткнул ножом в сторону верхнего прохода.

— Слышала, сегодня строевая показуха на плацу? Боевой факультет принимает новых. Слепнёшь от блеска сапог.

— А нам-то что? — спросила Айрин, рубя капусту.

— Да ничего. Просто запомни: те, кто наверху, едят из котлов, которые ты моешь. Только они никогда этого не поймут.

Служанки рядом тихо захихикали. Айрин ничего не сказала. Но позже, когда несла корзину со столовой посудой мимо широкой арки, ведущей к внутреннему плацу, всё-таки замедлила шаг.

Там строились курсанты в синих мундирах. Тридцать с лишним человек, ровные шеренги, серебристые нашивки, сияющие ремни. На краю плаца стояли два инструктора. И чуть поодаль — он.

Генерал Рейнар Вэйн.

Даже издали в нём было что-то, что стягивало пространство к себе. Он не повышал голос, не делал лишних движений, но вокруг него всё выстраивалось чётче. Курсанты держали спины ровнее, инструкторы не позволяли себе ни шага мимо команды, а дракон на высоком насесте за плацем не отрывал от генерала внимательного ледяного взгляда.

Айрин остановилась так резко, что задела корзиной стену.

— Не пялься, — шикнул на неё Федер. — Если увидит, опять влипнешь.

Но генерал уже повернул голову. На миг их взгляды встретились. Ничего не произошло. Он просто скользнул по ней глазами, как по любой детали окружающей обстановки, и снова заговорил с инструктором.

От этого стало только хуже.

Айрин вернулась на кухню раздражённой самой на себя. Что она вообще ожидала? Что она снова почувствует тот странный отклик? Что объяснит, о чём говорил драконий голос? В Академии люди вроде него не объясняли ничего. Они приказывали, распределяли и решали, кто достоин быть замеченным.

Той же ночью она впервые увидела Ворона по-настоящему.

До этого он был лишь тенью в комнате — плащ на крюке, тихие шаги, редко занятое место у стены. Но после отбоя Айрин проснулась от тонкого свиста ветра в щели и увидела, что у двери сидит человек в чёрной рубахе, опершись спиной о косяк. На коленях у него лежал маленький зверёк размером с крупную собаку — не дракон, но что-то из близких пород: длинная морда, костяные наросты над глазами, перепончатый хвост. Существо дышало часто и болезненно.

Парень гладил его по шее короткими, осторожными движениями.

— Он тебя укусит, — сонно прошептала Айрин.

Парень поднял глаза. Очень тёмные. Настороженные.

— Уже укусил.

Только теперь она заметила свежую повязку на его запястье.

— Тогда зачем держишь?

— Потому что ему больно.

Голос у него оказался неожиданно низкий и почти бесцветный. Так говорят люди, которые привыкли, что слова — штука дорогая.

— Это дракон?

— Нет. Штормовой ящер из лазарета. Молодой. Его хотели списать.

— Списать?

— Усыпить. Крыло не срослось как надо.

Айрин медленно села на тюфяке.

— И ты украл его?

— Взял на ночь. Верну до подъёма.

— Мэгги убьёт.

— Нет. Только меня.

Он снова перевёл взгляд на зверька. Тот тихо зашипел, но головы не поднял.

— Ты Ворон? — спросила Айрин.

— Да.

— Почему все зовут тебя так?

— Потому что моего имени им знать не обязательно.

Она помолчала. Потом слезла с тюфяка и подошла ближе. Ящер пах мокрым камнем, лекарской мазью и страхом. Правое крыло было перетянута тканью.

— Можно посмотреть?

Ворон поднял взгляд.

— Тебе нельзя к зверям. Об этом уже говорят даже те, кому не положено знать.

— Тем более никто не узнает.

Он колебался. Потом кивнул.

Айрин опустила на колени. Осторожно коснулась шеи ящера, потом перевязи. Внутри что-то шевельнулось. Не тот оглушительный жар, как у Томаса. Слабее. Тише. словно искра под золой.

— Не надо, — шёпотом предупредил Ворон. — Если начнёшь светиться, нас всех накроют.

— Я не умею по заказу.

— Иногда это даже хуже.

Ящер дёрнулся, когда она нащупала под повязкой неровно сросшуюся кость. Боль ударила в неё отголоском — совсем коротким, но ясным. Айрин резко отняла руку.

— Что с ним?

— Сорвался с насеста. Магистр сказал: летать нормально уже не будет.

— А он сам знает?

Ворон не понял вопроса. Потом впервые за всё время внимательно посмотрел на неё.

— Ты странная.

— Это я уже слышала.

— Нет. — Он осторожно поправил голову ящера. — Странная не по-людски. Ты спрашиваешь о звере так, будто он не вещь и не имущество.

Айрин не знала, что на это ответить. Для неё это казалось очевидным.

— Я выросла в кузнице. Лошади кусаются не хуже драконов, если с ними обращаться как с вещами.

Уголок его рта едва заметно дёрнулся.

— Справедливо.

Ворон сидел рядом до рассвета. Они почти не разговаривали, но когда утренний гонг ударил по трубам, он вдруг сказал:

— Будь осторожна на верхних ярусах. Там много тех, кто боится всего, что не занесено в реестр.

— А ты?

— Я боюсь только людей, которые улыбаются слишком уверенно.

— Полезный страх.

— Самый практичный.

Потом он ушёл, унеся ящера под плащом, как вороват не мясо, а надежду.

Днём Кай объявил, что у него «исключительно деликатное дело имперской важности» и втянул Айрин в кладовую рядом с артефакторской мастерской.

— Держи, — сказал он, сунув ей маленькую железную отвёртку. — Если кто-то войдёт, делай вид, что помогаешь.

— Помогать чему?

— Моему гению.

На столе перед ним лежал сломанный нагревательный камень. Кай быстро снимал с него медную оплётку, бесконечно бормоча себе под нос.

— Ты правда незаконный сын графа? — спросила Айрин, больше чтобы занять время.

— К несчастью графа, да.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что законные дети наследуют титулы, а незаконные — неприятности. К тому же я имел неосторожность оказаться полезным не тому человеку. — Он поднял на неё глаза. — А ты правда исцелила смертельную рану?

Она напряглась.

— Кто сказал?

— Я артефактор, а не глухой крот. В Академии любую тайну рано или поздно приносит труба отопления. — Он помолчал. — Не бойся. Я не стану доносить. Мне любопытнее понять, зачем тебя спустили вниз, если наверху от такого дара должны были бы плясать.

Айрин коротко пересказала встречу с генералом. Без драконьего голоса. Об этом говорить было страшнее всего.

Кай слушал необычно серьёзно.

— Значит, он увидел в тебе не просто редкость, — тихо сказал он. — Он увидел проблему, которую пока не знает, как использовать.

— Прекрасно. Теперь мне легче.

— Это не обязательно плохо. — Кай щёлкнул медной скобой и довольно кивнул. — Знаешь, что делают с теми, кто слишком явно интересен верхам? За ними начинают следить все остальные. А когда все смотрят вверх, иногда удобно прятаться внизу.

— Ты говоришь как человек, который слишком давно живёт в этом месте.

— Я и есть человек, который слишком давно живёт в этом месте.

В этот день случилось ещё одно маленькое, но важное событие. В обеденный час, когда хозяйственные работники разносят еду по младшим коридорам, Мэгги неожиданно велела Айрин самой отнести поднос в лечебницу для ездовых ящеров.

— Почему я? — спросила она.

— Потому что остальные или ленивы, или тупы, или уже заняты. И потому что я хочу посмотреть, умеешь ли ты держать рот закрытым, когда видишь то, что тебе не положено.

Лечебница находилась дальше обычных стоил. Туда доходил приглушённый шум верхних ярусов, но стены были толще, а воздух — чище. На соломенных лежанках лежали раненые ящеры, несколько мелких драконьих подростков и даже один взрослый зверь с перебинтованным крылом. За ними ухаживали двое лекарей и Ворон.

— Поставь там, — бросил один из лекарей, не отвлекаясь от раны на лапе крупного ящера.

Айрин поставила поднос. И почувствовала то, что уже начинала узнавать. Боль. Много. Разной. Глухой, ноющей, режущей, затихающей под зельями. От неё слегка закружилась голова.

У дальней стены, в отдельном загоне, лежал молодой серый дракон. Настоящий. Не слишком крупный, но уже с широкими крыльями и мощной грудью. Морду пересекал рваный шрам, глаза были жёлтые, недобрые. Один коготь бил по камню с тихим царапающим звуком.

— Не подходи, — сразу сказал Ворон, заметив, куда она смотрит. — Это Пепельный.

— Тот самый?

— Да. — Ворон понизил голос. — Сорвался на Испытании прошлой весной. После смерти первого всадника никого к себе не подпускает. Вэйнов приказ — оставить в живых, не списывать, не усыплять. Потому и мучается.

Пепельный поднял голову. Их взгляды встретились. Внутри Айрин словно коснулись горячим лезвием. Не больно. Узнающе. Дракон сделал едва заметное движение вперёд, натянув цепь на ошейнике.

— Он меня чувствует? — спросила она.

— Тебя чувствуют многие, — сказал Ворон. — И это начинает меня тревожить.

В этот момент в лечебницу вошёл офицер. Все мгновенно выпрямились.

— Приказ генерала, — сказал он. — Завтра в хозяйственный блок спустится леди Ванесса Арден. Будет смотреть помещения перед инспекцией верхнего яруса. Весь персонал — в порядке, рты закрыты, глаза в пол. Особенно новая из карантина. Поняли?

Лекари хором сказали «да, господин». Ворон промолчал.

Офицер ушёл.

Айрин повернулась к нему.

— Почему особенно я?

— Потому что, — устало ответил Ворон, — где появляется власть, туда всегда идут две вещи. Страх и любопытство. К тебе у них уже есть и то, и другое.

Ночью Айрин снова держала медальон в ладони и впервые по-настоящему испугалась не казни и не Академии. А того, что всё, к чему она прикоснётся своим даром, начнёт смотреть на неё в ответ.

Глава 5. Яд кухни

Леди Ванесса Арден спустилась в хозяйственный блок так, словно делала большое одолжение самому камню.

До её прихода Мэгги гоняла всех с такой яростью, будто ожидала не живую женщину, а проверку чумы. Полы перемыли дважды. Медные котлы натёрли песком до тусклого блеска. Даже Федер вымыл бороду, чего, по словам Кая, не случилось ни разу с весны.

— Не смотреть, не разговаривать, не существовать лишний раз, — отчеканила Мэгги, выстраивая работников вдоль стены. — Особенно ты, деревенская. Поняла?

— Поняла.

— Если не поняла, я потом объясню шваброй.

Лира нервно теребила край передника. Бригит закатила глаза. Ворон вообще не явился — он остался в лечебнице, и Айрин неожиданно позавидовала ему сильнее, чем любому курсанту наверху.

Сначала пришли два офицера, потом служанка в светлом плаще, потом ещё одна, с шкапкой духов и перчаток. И только после них появилась сама Ванесса.

Айрин ожидала увидеть просто красивую девушку. Красивых она видела и в деревне, и на ярмарках. Ванесса была другой породы. Такую красоту создают не только черты лица, но привычка быть желанной и главной в любом помещении. Золотистые волосы уложены в сложный узел, кожа без единого следа солнца, походка плавная, будто ступает не по сырому подземному камню, а по мрамору родового зала. На ней был не мундир, а дорожное платье цвета разбавленного вина, подбитое мехом. Из её присутствия шёл тонкий холодок, не магический, а социальный — тот, от которого люди сами начинают чувствовать себя грязнее.

Ванесса шла неторопливо, скользя взглядом по кухне, как по конюшне. Служанка за её спиной брезгливо морщилась от запахов.

— Сколько людей здесь живёт? — спросила Ванесса, не глядя на Мэгги.

— Двадцать семь постоянных работников, миледи. Плюс временные из карантина.

— И все они необходимы?

— Для бесперебойной работы ярусов — да.

— Любопытно. — Ванесса остановилась у котлов, легонько повела пальцем по борту и посмотрела на почти невидимый след копоти. — Тогда им не помешало бы помнить, что бесперебойность достигается не только числом рук, но и чистотой этих рук.

Мэгги едва заметно напряглась.

— Учтём, миледи.

Айрин стояла, опустив глаза, и всё равно чувствовала, как взгляд Ванессы скользит по ряду работников. Останавливается. Возвращается.

— Вот эта, — сказала леди. — Поднимите лицо.

Айрин не пошевелилась, пока Мэгги не сжала ей локоть.

— Делай, что велят.

Она подняла подбородок.

Ванесса несколько секунд изучала её молча. Потом в глазах мелькнуло узнавание. Не личное. Услышанное.

— Так это и есть новая находка? — спросила она. — Та самая девочка из карантина?

Мэгги сухо ответила:

— Мне не докладывают причин перевода, миледи.

— Конечно. — Ванесса улыбнулась так легко, будто и не вкладывала в слова яд. — Здесь ведь не принято докладывать о вещах, которые могут заинтересовать верхние ярусы.

Она подошла ближе. Айрин пришлось приложить усилие, чтобы не отступить. От Ванессы пахло дорогими духами и какой-то незнакомой цветочной смолой.

— Как тебя зовут?

— Айрин.

— Просто Айрин?

— Да, миледи.

— Какая скромность. — Ванесса тронула кончиком перчатки край её передника. — И какое несчастье для девушки без рода — оказаться там, где имя значит всё.

Айрин молчала.

— Ты умеешь молчать. Это уже редкое достоинство, — продолжила леди. — Надеюсь, ты не забудешь его наверху, если вдруг кто-то решит, что тебе там место.

Она повернулась к Мэгги, но на ходу добавила, почти лениво:

— И проследите, чтобы эта работница не попадалась на глаза генералу. У него слишком много дел, чтобы отвлекаться на жалкое любопытство кухни.

В помещении стало тише, чем было до её прихода. Даже кипящий чан словно загудел тише.

Когда Ванесса ушла, Мэгги ещё секунд десять стояла неподвижно. Потом резко хлопнула в ладони.

— Работать. Всем.

Никто не посмел ни спросить, ни пошептаться при ней. Только в прачечной, где пар и грохот тазов немного заглушали голоса, Лира шёпотом выдохнула:

— Она тебя запомнила.

— Это плохо?

— Для нас? Да. Для тебя? Очень.

Айрин не ответила. Внутри всё ещё зудело от той небрежной фразы: «не попадалась на глаза генералу». Слишком точный удар. Будто Ванесса с первого взгляда поняла, что между Айрин и Вэйном уже случилось нечто, чему пока нет названия, но есть опасность.

Днём в ящерных стойлах работы было больше обычного. Молодых штормовых ящеров перегоняли после планового осмотра, несколько стойл чистили полностью, а один из зверей, огромный полосатый самец по кличке Клык, отказался подпускать к себе даже Ворона.

— У него воспаление под седельной пластиной, — сказал Ворон, глядя, как ящер бьёт хвостом по перегородке. — Больно. Вот и бесится.

— Лекари почему не посмотрят?

— Смотрели. Он скинул одного в корыто, другого чуть не откусил.

Айрин поставила ведро и подошла ближе к перегородке. Ящер прижал уши и зашипел.

— Ты опять, — тихо сказал Ворон. — Не лезь.

— Я ничего не делаю.

— Именно в этом и проблема.

Она смотрела на зверя и чувствовала под слоем ярости пульсирующую, тупую боль. Почти такую же, как у плохо вбитого гвоздя, когда он уходит в живую ткань и начинает тереть при каждом шаге.

— Он думает, что его снова ударят, — сказала она прежде, чем успела прикусить язык.

Ворон резко повернул к ней голову.

— Что?

— Не знаю. Просто... ощущение.

Клык продолжал шипеть, но в его движениях появилось замешательство. Айрин медленно подняла ладонь, не касаясь. Жар внутри отозвался слабой волной. Ящер замер. Потом коротко фыркнул и опустил голову.

— Быстро, — прошептала она. — Если хочешь посмотреть.

Ворон среагировал мгновенно. Проскользнул в стойло, аккуратно приподнял край сбруи. Под ним и правда оказалось воспалённое место, натёртое старой пластиной до крови.

— Проклятье, — выдохнул он. — Они неделю мучили его из-за треснувшей застёжки.

— Сможешь снять?

— Да. Держи его ещё немного.

Айрин не знала, держит ли она ящера или только саму себя. Жар в ладонях пульсировал слабее, чем у Томаса, но всё равно пугал. Клык смотрел прямо на неё жёлтым глазом без прежней злобы. Ворон быстро сорвал ремни, оттащил пластину и обработал рану мазью.

— Всё, — сказал он.

Айрин отняла руку. Ящер шумно выдохнул и ткнулся мордой в перегородку, прямо возле её плеча.

— Он благодарит, — неожиданно сказал Ворон.

— Не выдумывай.

— Это ты не выдумывай. — Он нахмурился. — Я много лет среди зверей. Так на людей они не смотрят.

Она отступила, пряча руки за спину.

— Никому не говори.

— Я похож на идиота?

— Иногда.

Ворон хмыкнул.

— Ты тоже.

Но вечером всё равно стало ясно, что тайны в Академии долго не живут. Уже в общей столовой двое младших работников косились на Айрин с опасливым интересом, а одна служанка громким шёпотом спросила у другой, правда ли новая умеет «усыплять зверей взглядом». Кто рассказал — неизвестно. Возможно, кто-то видел, как она вошла к Клыку. Возможно, стояла сами заговорили трубами.

Кай, узнав об этом, только простонал и рухнул на тюфяк.

— Нет, ну зачем? — спросил он потолок. — Зачем каждый талантливый человек вокруг меня обладает нулевым инстинктом самосохранения?

— Я не собиралась ничего делать.

— Именно это ты говорила после того, как разрушила диагностический камень? — Он сел. — Слушай. Мне не надо знать, что у тебя внутри. Но если хочешь дожить до зимы, научись не только быть сильной, но и быть скучной.

— Я скучная.

— Нет, Айрин. Ты тревожно интересная.

Лира, сидевшая на полу с чьей-то порванной рубахой, тихо добавила:

— И Ванесса сегодня тебя увидела. Это уже плохое совпадение.

— Кто она такая? — спросила Айрин. — Не по слухам.

Кай почесал висок отверткой, не замечая этого.

— Старшая дочь Арденов. Дом богатый, гордый, крайне уверенный в своей необходимости Империи. Умна, злопамятна, воспитана лучше половины советников и с детства знает, как должна выглядеть победа. А ещё обручена с Вэйном. Неофициально уже много лет, официально — как договорятся старшие. Всем кажется, что дело решённое.

— Всем — это кому?

— Всем, кто любит простые политические схемы. Северный меч и дворцовый капитал, союз домов, будущий рычаг при троне. Романтикой там даже не пахнет.

— А ему это надо? — спросила Айрин и сразу пожалела.

Кай прищурился.

— Кому именно?

— Генералу.

— У нас тут опасно быстро начинаются неправильные вопросы, — пробормотал он. — Но ответу. Не знаю. Вэйн делает много того, что ему надо для службы, а не для души. Люди вроде него редко получают роскошь хотеть. Им обычно выдают функцию.

Эта мысль почему-то задела Айрин сильнее, чем должна была. Она отвернулась, делая вид, что поправляет тюфяк.

Ночь вышла беспокойной. Сверху гремела гроза, что в горах случалось редко, но всегда звучало так, словно скала трескается прямо над головой. Ближе к полуночи в дверь негромко постучали. Лира вздрогнула. Кай пробормотал что-то во сне. Ворон уже стоял на ногах, будто не спал вовсе.

За дверью оказалась Мэгги.

— Ты, — сказала она Айрин. — Со мной.

— Что случилось?

— Сейчас узнаешь.

Она повела её не на кухню и не в стойла, а в маленький склад у дальнего поворота. Там на бочке сидела Бригит, зажимая ладонью рассечённую бровь. Кровь уже стекала по щеке.

— Подрались, — коротко сказала Мэгги. — Из-за пустой миски и дурных ртов. Я бы отправила к лекарю, но лекарь дежурит наверху, а внизу мне шум не нужен. Говорят, ты умеешь... смягчать.

Айрин почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Я не умею по заказу.

— Умеешь или нет — твоя беда. Моя беда — чтобы к утру у меня было на одну работницу меньше или столько же. — Мэгги наклонилась ближе. — И ещё моя беда — что о тебе уже судачат. Так вот: если покажешь сейчас фокус, этот фокус останется здесь. Выйдет за дверь — лично выдерну тебе язык. Поняла?

Айрин кивнула.

Она села перед Бригит на корточки. Та смотрела без страха — только раздражённо.

— Давай, чудо-девка, — сказала она. — Или не давай. Только кровь мне вытри, а то щиплет.

Айрин приложила пальцы к краю раны. Жар отозвался лениво, но пришёл. Света не было. Только лёгкое тепло под кожей. Разрез перестал кровить, края стянулись, оставив красную полоску.

Бригит моргнула.

— Ну надо же, — сказала она. — Полезная вещь.

Мэгги молча подала Айрин тряпку вытереть руки.

— Теперь слушай внимательно, — сказала она. — Я не спрашиваю, откуда ты такая. Не потому что неинтересно, а потому что долгоживущие женщины учатся не задавать лишних вопросов. Но если твой дар можно использовать так, чтобы люди не дошли по глупости, я буду использовать. И прикрою. Пока мне это выгодно.

— Почему вы мне помогаете?

— Не выдумывай помощь там, где есть хозяйственный расчёт. — Мэгги распрямилась. — Но одно скажу: не все наверху хотят, чтобы ты дожила до того дня, когда сама поймёшь, кто ты. А мне надоело, когда хорошие рабочие мрут раньше времени. Возвращайся спать.

По дороге обратно Айрин впервые подумала, что подземный ярус держится не на приказах сверху, а на людях вроде Мэгги, которые не верят ни в чью милость, кроме своей собственной.

На следующее утро её вызвали в обеденный зал верхнего хозяйственного крыла. Не одну — вместе с двумя служанками. Им велели убирать после позднего обеда курсантов боевого факультета.

Зал был огромным, со сводами, витражами и длинными столами. Тут пахло жареным мясом, вином и дорогой бумагой. Курсанты ещё не разошлись окончательно. Несколько человек стояли группами, переговариваясь. Среди них Айрин сразу заметила светлые волосы Ванессы.

Леди стояла у центрального стола рядом с молодым мужчиной в синем мундире. Высокий, тёмно-русый, с правильным лицом и осанкой человека, которого хвалили за успехи с десяти лет. Позже Айрин узнает, что это Эдрик Торн, лучший курсант старшего потока. Пока же она заметила только одно: Ванесса смеётся так, как смеются хозяйки, заранее уверенные в ответном внимании.

— Смотри под ноги, — прошептала служанка справа.

Айрин послушалась. Но поздно. Когда она проходила мимо центрального ряда, кто-то нарочно выставил ногу. Поднос качнулся. На пол полетели чашки. Соус брызнул на край светлого платья.

Наступила тишина.

Айрин подняла глаза. Перед ней стояла Ванесса.

Леди медленно посмотрела на пятно на подоле. Потом — на Айрин.

— Какая неловкость, — сказала она очень тихо.

Эдрик Торн перевёл взгляд с одной на другую и чуть нахмурился, словно не одобрял дешёвую сцену, но вмешиваться не собирался.

— Простите, миледи, — сказала Айрин, хотя уже чувствовала: случайностью здесь и не пахло.

— Ты всё ещё здесь? — Ванесса склонила голову. — А я полагала, после вчерашнего тебе хватит ума держаться ниже подпола.

— Мне велели убирать.

— Тогда убирай, а не пачкай. — Она шагнула ближе. — Или в твоей деревне не учили, что нельзя размахивать руками рядом с теми, кто выше тебя по положению?

— В моей деревне учили, что не стоит подставлять ноги тем, кто несёт тяжёлый поднос.

Слова вырвались раньше, чем разум успел их остановить.

В зале едва слышно ахнули. Эдрик Торн распрямился. Ванесса замерла, а потом её улыбка стала тоньше.

— Вот как, — сказала она. — Значит, дерзость всё-таки проросла сквозь кухонный чад.

Она подняла руку и очень легко, почти ласково, коснулась пальцем подбородка Айрин. Так же, как накануне Вэйн, только в этом прикосновении не было ни силы, ни холода. Лишь отвращение.

— Карцер на одну ночь, — сказала леди дежурному офицеру, стоявшему у двери. — За порчу имущества и неподобающее обращение к старшей гостье Академии.

— Но, миледи... — начал офицер.

— Или ты предпочитаешь, чтобы я обсудила слабую дисциплину хозяйственного блока лично с генералом?

Офицер побледнел.

— Нет, миледи.

Айрин не успела ничего возразить. Её уже схватили за локоть и повели к выходу. Краем глаза она увидела только, как Эдрик Торн смотрит ей вслед без злорадства. Скорее с любопытством. Будто запоминал.

Так закончился день, который начался с пятна на платье и закончился дверью карцера.

Она ещё не знала, что именно это маленькое, почти бытовое унижение через несколько часов станет дверью к куда более опасному испытанию.

Глава 6. Карцер перед Испытанием

Карцер верхнего яруса оказался хуже карантинной камеры.

Там хотя бы был тюфяк. Здесь — только голый камень, железное кольцо в стене и узкая щель под потолком, через которую нельзя было увидеть небо, зато прекрасно проходил ледяной сквозняк. Дверь закрылась тяжёлым глухим ударом, и Айрин осталась одна в темноте, где пахло сыростью, старой кровью и ржавчиной.

Первый час она злилась так, что это почти грело. На Ванессу. На себя. На нелепый ответ в зале. На то, как легко один выверенный толчок делает виноватой не ту, кто подставил ногу, а ту, кто несёт поднос.

Потом злость ушла. Осталась усталость и холод.

Она села у стены, подтянула колени и попыталась не думать о том, сколько власти у людей, которые могут за пятно на платье запереть тебя в каменном мешке и не услышать в этом ничего странного.

Через некоторое время за дверью послышались шаги. Голоса. Один из них принадлежал Мэгги.

— Ей здесь не место, — говорила надзирательница хрипло, но сдержанно. — Это кухонная работница, а не уголовница.

— Приказ леди Арден, — отвечал караульный. — Я не стану спорить.

— Приказ леди — не устав Академии.

— Тогда иди и спорь не со мной.

Мэгги что-то резко выдохнула. Дверь не открылась. Шаги удалились.

Айрин, сама того не ожидая, почувствовала тёплый, почти детский укол благодарности. Значит, хотя бы одна женщина в этом месте попыталась возразить.

Ближе к ночи дверь всё-таки открылась. Но вошла не Мэгги.

Рейнар Вэйн появился в проёме, как входит в бой человек, заранее уверенный, что пространство уступит. На нём был не парадный мундир, а чёрная полётная куртка, расстёгнутая у горла. Волосы чуть растрепал ветер, будто он пришёл сюда прямо с площадки или насеста. В руке он держал факел.

— Встать, — сказал он.

Айрин поднялась, стараясь не показать, что ноги затекли.

— Что произошло в зале?

— Ваша невеста решила, что мой поднос должен упасть, — ответила она. — И он упал. Серые глаза сузились.

— Ты обвиняешь леди Арден?

— Я говорю, что она выставила ногу.

— И у тебя нет свидетелей.

— А мне бы кто-то поверил?

Он не ответил сразу.

— Ты не умеешь держать язык за зубами, — произнёс он наконец.

— Меня этому не учили.

— Тогда начни учиться. — Он сделал шаг ближе. — Здесь тебя не спасут ни упрямство, ни деревенская прямота. Высшие ярусы ломают таких, как ты, без усилия.

— Тогда зачем вытащили меня из карантина? — вырвалось у неё. — Чтобы ломать было удобнее?

Вэйн молчал несколько секунд, и это молчание давило сильнее крика.

— Если бы я хотел сломать тебя, — сказал он тихо, — ты бы уже поняла разницу между страхом и милостью. Не испытывай моё терпение.

Он повернулся к двери, потом остановился.

— Через два часа начнётся Испытание Когтя. На арену выводят Пепельного. Он снова сорвался днём, покалечил двух дрессировщиков. Если ситуация выйдет из-под контроля, я хочу, чтобы ты была рядом.

Айрин не сразу поняла.

— Рядом? Вы же сами запретили мне подходить к драконам.

— Я запрещал, пока не был уверен, что ты вообще реагируешь на них не случайно. После Клыка и лечебницы сомнений меньше.

Она стиснула зубы. Значит, всё-таки заметили.

— Вы следили?

— Я слежу за всем, что может однажды взорвать мою Академию. — Он перевёл взгляд на её руки. — В том числе за тобой.

— А если я не справлюсь?

— Тогда, — сказал он без тени мягкости, — один из самых опасных молодых драконов Академии будет убит. Или убьёт кого-то ценного. Оба варианта меня не устраивают.

— Удобно. Значит, если получится — ваша выгода, а если нет — моя вина.

— Ты быстро учишься.

Она шагнула вперёд.

— Почему вы всё время говорите со мной так, будто я вещь? Дар. Риск. Выгода. Угроза. Вы хоть раз можете сказать прямо, чего боитесь?

Его лицо окаменело.

— Осторожнее, Айрин.

— Нет, скажите. Чего именно? Моего дара? Моего медальона? Или того, что вы почувствовали в карантине?

Слова повисли между ними, как натянутый канат.

Рейнар медленно подошёл вплотную. Факел потрескивал. Тени от его лица упали резче.

— Есть вещи, — произнёс он очень тихо, — которые тебе сейчас лучше не понимать. Потому что знание иногда опаснее власти. А иногда опаснее любви.

Последнее слово прозвучало так странно в его устах, что Айрин вздрогнула.

— Через два часа тебя выведут. Умоешься. Переоденешься. И сделаешь то, ради чего я пока оставляю тебя в живых. — Он отступил на шаг. — Если попробуешь бежать, тебя собьют на первом пролёте. Если попытаешься играть со мной в гордость, я сам закрою тебе дорогу к небу навсегда. Ты меня услышала?

— Услышала.

— Хорошо.

Он вышел, и только тогда она поняла, что всё время задерживала дыхание.

Через некоторое время дверь открылась снова. На этот раз пришла Лира — не одна, а под конвоем младшей служанки. В руках у неё был свёрток с чистой робой и миска тёплой воды.

— Я выпросила пять минут, — шепнула она, едва дверь закрылась за служанкой. — Мэгги чуть не откусила караульному голову, но сработало, только когда я соврала, что у тебя жар.

Айрин вдруг чуть не рассмеялась. Настолько нелепой была эта забота среди камня и угроз.

— Спасибо.

Лира присела рядом и быстро отжала тряпку.

— Ты в порядке?

— Нет.

— Это честный ответ.

Она осторожно приложила влажную ткань к её щеке, где всё ещё горело от пощёчины Ванессы.

— Не думай, что ты одна, — прошептала Лира. — Мы с Каем спрашивали, куда тебя увели. Ворон был готов лезть в верхний коридор. Мэгги удержала.

— Зачем? Это же глупо.

— Дружба вообще не очень умна, — тихо сказала Лира. — Но иногда полезна.

Айрин опустила взгляд. В подземном ярусе, где все привыкли считать себя временными и разменными, такие слова звучали почти непозволительно.

— Что ты знаешь об Испытании? — спросила она.

— Только то, что это ежегодная проверка молодых драконов и курсантов, — ответила Лира. — И что Пепельного хотели снять с программы, потому что он нестабилен. Если его всё-таки выводят, значит, наверху кто-то хочет либо чуда, либо крови.

— Отличный выбор.

Лира чуть сжала её плечо.

— Ты же не обязана делать всё, что говорит генерал.

Айрин подняла глаза.

— В этом месте? Обязана. Только не всему. Если увижу, что он хочет просто использовать меня, а не спасти дракона... — Она замолчала.

— Что тогда?

— Тогда придётся решать на ходу.

Лира посмотрела на неё так, будто хотела сказать, что именно это и пугает в ней сильнее всего: готовность решать, когда все остальные ждут приказов.

После ухода Лиры пришёл Ворон. Его, в отличие от неё, внутрь не пустили. Он просто остановился по ту сторону двери и негромко сказал:

— Пепельный сегодня никого не подпускает. Даже еду не принял.

— Это должно меня подбодрить?

— Нет. Это значит, что если он тебя почувствовал раньше, чем ты его коснулась, то на арене будет хуже, чем ты думаешь. Он не просто зол. Он ждёт.

— Меня?

— Или того, что ты в себе несёшь.

Шаги Ворона стихли почти сразу. Он никогда не задерживался у чужой беды дольше, чем считал полезным.

Через два часа Айрин вывели наружу. Ей дали серый плащ, накинули на плечи, словно милость, и велели идти, не поднимая головы. Но стоило им выйти на верхний уровень, как она всё равно подняла взгляд.

Смотровая площадка Амфитеатра Когтя была вырублена прямо в скале. Каменные ряды полукругом спускались к широкой арене, посыпанной рыжим песком. Над ними хлопали флаги Академии. Ветер рвал плащи, выл в арках и нес запах зверя, крови и возбуждения толпы.

Курсанты уже сидели по местам. Преподаватели стояли отдельной группой. На самом высоком ярусе под чёрным балдахином располагалась ложа Совета. И там же, справа от ректора, сидел Вэйн. Прямой, неподвижный, похожий не на человека, а на клинок, воткнутый в камень.

Увидев Айрин в сопровождении стражи, несколько человек на нижних рядах начали шептаться. Она уловила отдельные слова: «та самая», «кухарка», «карантин». В первом ряду сияло золотом платье Ванессы. Леди заметила её и медленно улыбнулась.

Мэгги, стоявшая у служебного прохода, коротко кивнула Айрин. В этом кивке было больше поддержки, чем в любых ласковых словах.

— К арене не лезть без команды, — предупредил стражник. — Будешь стоять здесь. Если генерал велит — пойдёшь. Если не велит — и не думай шевелиться.

Айрин кивнула, хотя сердце уже стучало так, будто собиралось уйти из груди само. Она чувствовала Пепельного ещё до того, как его вывели. Боль, ярость, спутанную тоску зверя, лишившегося человека и всякого понятного места в мире.

В этот момент ей стало страшно не за себя.

А за то, что кто-то наверху действительно хочет крови.

Глава 7. Испытание Когтя

Фанфары ударили в воздух резко и чуждо, словно на каменную арену выплеснули праздничный блеск, которому здесь было не место.

Ректор Академии, сухой старик с белой бородой и голосом лучше отточенного ножа, поднялся со своего кресла под балдахином и объявил начало Испытания Когтя. Толпа ответила одобрителем гулом. Курсанты выпрямились. Ветер рвал знамёна и уносил слова в пропасть.

Сначала всё шло почти мирно. На арену вывели молодого красного дракона, нервного, но управляемого. Курсант третьего потока сумел взять контакт со второй попытки. Следом был синечешуйчатый самец с тяжёлым нравом. Потом золотистая самка, оказавшаяся умнее всех присутствующих и заставившая троих инструкторов побегать за собой по кругу. Публика смеялась. Совет переговаривался. Ванесса скучала с красивым лицом. Эдрик Торн, стоявший у барьера в числе старших курсантов, наблюдал внимательно и без улыбки.

Айрин пыталась дышать ровно. Каждый новый дракон оставлял в ней лёгкий отзвук — кто-то раздражённый, кто-то настороженный, кто-то сонно-усталый. Но Пепельного среди них не было. И от этого ожидание становилось только тяжелее.

— Сейчас выведут серого, — сказал рядом чей-то шёпот. — Спорю на месячное жалованье, его сегодня добьют.

— Генерал не даст.

— Если зверь рванёт на Совет, даже он не удержит.

Их оборвал сухой окрик инструкторского состава.

Служебные ворота в дальнем конце арены открылись. Тишина, которая упала на амфитеатр, была ощутимой.

Пепельного выводили сразу шестеро. На массивных цепях. Морда в ремнях. Крылья полусложены, но дрожат. Серое тело всё в старых шрамах. Жёлтые глаза налиты безумием так, что даже издали видно. Дракон шёл рывками, словно каждый шаг приходилось выдирать у собственной ярости.

Айрин почувствовала его прежде, чем увидела полностью. Боль ударила в неё горячей иглой. Но под болью лежало нечто глубже — пустота, оставшаяся на месте связи. Рваная. Почерневшая. Словно кто-то выдрал из зверя половину души и оставил жить дальше.

— Вольный контакт, — громко объявил инструктор. — Старший поток. Кто готов?

Из ряда курсантов вышел высокий парень в безупречном мундире. Не Эдрик. Другой. Темноволосый, уверенный, с выученной лёгкостью в движениях. Кто-то из публики одобрителем загудел.

— Курсант Рейст Гленн, — сказал стражник рядом с Айрин. — Считает себя укротителем от богов.

Рейст встал посреди арены и поднял руки в стандартном жесте ментального контакта. Пепельный застыл. На долю секунды воцарилась ложная тишина. Потом дракон заревел так, что у Айрин заложил уши.

Цепи натянулись. Одно звено лопнуло.

Толпа ахнула.

Инструкторы тут же подняли щиты, но Пепельный рванулся не на Рейста. Он ударил боком в сторону, сорвал ещё два крепления и, сбив одного служителя с ног, ушёл в разворот к центральному трибунам. Внутри у Айрин всё сжалось. Она уже чувствовала, куда направлен звериный ужас. Не к толпе. Не к Совету.

К Ванессе.

Леди побледнела так резко, будто вся кровь отхлынула под платье. Стоявший рядом офицер закрыл её собой, но Пепельный был быстрее. Инструкторы выкрикивали заклинания.

Сетки из света ложились криво, дракон сбивал их хвостом. Крики людей поднялись мгновенно, диким гулом. На верхнем насесте взревел Ледяной Шторм, и холодный вихрь пронёсся над ареной.

Рейнар Вэйн уже шёл вниз по ступеням.

Айрин не помнила, как сорвалась с места. Она просто побежала.

Стражник рядом успел схватить только край её плаща. Ткань выскользнула. Ветер ударил в лицо. Песок под ногами взметнулся горячей рыжей пылью. Кто-то крикнул ей вслед, но это уже не имело значения. Между нею и Пепельным оставались несколько десятков шагов и один миг, который мог стать последним не только для Ванессы.

— Стой! — закричала Айрин, сама не зная, к кому обращается — к дракону, к судьбе или к собственному страху.

Пепельный замер.

Лапа уже поднята. Когти в шаге от белого лица Ванессы. Глаза дракона повернулись к Айрин. В них бушевала не только ярость. Там было узнавание. Боль. Почти надежда, которой зверь сам себе не позволял.

Она пошла к нему медленно, чувствуя, как по рукам ползут знакомые алые узоры. На этот раз не потому, что она их вызывала. Потому что дар сам узнал, где нужен.

— Тише, — сказала она негромко. — Я тебя вижу.

Гул толпы ушёл на задний план. Остался только зверь перед ней и пустота в его груди, где когда-то жил другой голос.

— Ты не хочешь их рвать. Ты хочешь, чтобы боль закончилась. Я понимаю.

Пепельный дёрнул головой. Из ноздрей ударил дым. Ванесса сжалась под барьером, едва не теряя сознание. Рейнар замедлил шаг, но не остановился полностью. Ледяной Шторм кружил сверху, готовый в любой миг ударить морозом и обездвижить собрата.

Айрин подняла ладони.

— Я не твой враг. Я не заберу то, что у тебя отняли. Я просто здесь.

Расстояние между ними стало совсем коротким. Пепельный мог убить её одним движением головы. Она чувствовала это так ясно, что страх в груди сделался почти чистым и прозрачным. Но под страхом жил другой инстинкт — тот, с которым она когда-то успокаивала чужих лошадей в кузне Томаса. Не силой. Присутствием.

Она коснулась морды дракона.

Жар хлынул из ладони в серую чешую. И вместе с жаром пришли слова. Гортанные, тягучие, старые, как огонь в недрах горы. Айрин не знала этого языка. Но язык знал её.

Песня вышла тихой. Почти шёпотом. Однако её услышали все, потому что сама арена на мгновение словно притихла, прислушиваясь.

Пепельный задрожал всем телом. Жёлтые глаза расширились. Зрачки медленно сузились. Он выдохнул длинно, рвано, будто вместе с воздухом выпускал накопившуюся ярость. Потом опустил голову. Не как побеждённый. Как уставший.

Айрин продолжала петь. Не для публики, не для Вэйна, не для Совета. Для него одного. Для зверя, который слишком долго считал себя брошенным и потому решил, что должен кусать всех первым.

Когда песня кончилась, Пепельный ткнулся носом ей в грудь. В амфитеатре наступила такая тишина, что было слышно, как где-то на верхнем ряду от страха всхлипнул ребёнок офицерской семьи.

И тогда Рейнар Вэйн подошёл вплотную.

Он схватил Айрин за плечо и резко оттащил от дракона. Пепельный мгновенно поднял голову, но она успела чуть качнуть пальцами, и зверь остался на месте, тяжело дыша.

— Что. Это. Было? — произнёс Вэйн почти без голоса.

Его пальцы были ледяными до боли.

— Он боялся, — выдохнула Айрин. — И ему было больно.

— Ты использовала язык Фениксов.

— Я не знаю никакого языка!

— Не смей врать мне на глазах у всего Совета.

— Я не вру!

Вокруг них уже сходились люди. Инструкторы, стража, маги контроля. Ванессу уводили с арены — белую, дрожащую, но живую. Эдрик Торн стоял внизу у барьера и смотрел на Айрин так, будто видел впервые не слух о ней, а саму её сущность.

Ректор сошёл на несколько ступеней вниз.

— Генерал, — громко сказал он. — Девушка только что предотвратила катастрофу. Что бы это ни было, держать подобный дар на кухне — преступная расточительность.

— Или преступная необходимость, — холодно ответил Вэйн.

— После увиденного? Не смешите меня.

Совет зашумел. Кто-то требовал немедленного допроса. Кто-то — перевода Айрин под стражу магического отдела. Кто-то уже произносил слово «Фениксы» с тем восторженным ужасом, который люди испытывают, увидев ожившую легенду.

Айрин, всё ещё тяжело дыша, смотрела на Пепельного. Дракон не сводил с неё глаз. И в этих глазах теперь не было безумия. Только усталость и упорное, звериное признание.

Рейнар отпустил её плечо. Медленно. Словно делал это против собственной воли.

— Курсант Айрин, — произнёс он, и голос снова стал тем жёстким клинком, которым он распоряжался людьми. — С этого дня ты переводишься из хозяйственного блока на факультет Боевой Стратегии. Под мой личный надзор. Любой твой шаг будет фиксироваться. Любая попытка скрыть или использовать дар без приказа будет приравнена к измене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.